

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)*

А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);

Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук

В том же 1485 г. русские войска совершили поход на Казань. Али успел заблаговременно бежать к ногайцам. На казанский престол возвели Мухаммед-Эмина, при нем оставили советников и воинский отряд «для сбережения»⁶⁶.

Смена хана усилила междоусобную борьбу внутри ханства. Кроме того, произошло прямое столкновение интересов России, Ногайской Орды и Тюменского ханства. Мухаммед-Эмин попытался арестовать и выслать в Москву своих братьев Худайкула и Мелик-Тагира и концентрирующуюся вокруг них оппозицию. Однако попытка ареста вызвала недовольство населения Казани, которое было так велико, что только присутствие русского отряда спасло хана от расправы, он вынужден был даже покинуть город. Казанцы били челом хану, «и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани»⁶⁷.

Оппозиция поспешила воспользоваться настроением масс и направила своего посланца в Ногайскую Орду к скрывающемуся там хану Али. Вскоре он во главе большого ногайского войска появился под Казанью. Мухаммед-Эмин, состоящие при нем московские советники и небольшой русский отряд охраны вынуждены

были покинуть страну, Али вступил в Казань.

Прямое вмешательство Ногайской Орды вынудило Ивана III организовать большой поход с целью восстановления на престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 г. русское войско выступило в направлении Казани⁶⁸.

Пытаясь предотвратить вторжение, хан Али направил в Москву посольство во главе с Бахтияр уланом, Мангушем и Тевекелем. Однако дипломатическая миссия не удалась. Иван III не захотел вступать в переговоры и арестовал послов⁶⁹. В Казани тем временем приготовились к осаде. Вокруг посада был возведен острог, стянуты значительные силы. На помощь прибыли отряды ногайцев. После большого сражения на берегу Свяги татары отступили к Казани⁷⁰. 18 мая русское войско приступило к осаде города, продолжавшейся 52 дня. С тыла против русских действовало большое союзное войско во главе с казанским князем Али-газы (Ольгаза). Из города осажденные совершали смелые вылазки. Русским удалось отразить все нападения и наголову разбить войско Али-газы. Его остатки были вытеснены за Каму. После этого положение осажденной Казани стало

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2014. – № 1, № 2.

критическим, и 9 июля сторонники московской партии вынудили Али капитулировать. Архангелогородский летописец, содержащий наиболее подробный рассказ о событиях, сообщает, что «царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде»⁷¹. Герберштейн также пишет о том, что хан Али против своей воли был выдан русским воеводам своими приближенными⁷². Свергнутого хана вместе с женой Фатимой сослали в Вологду, где он и умер, а его мать, сестру и братьев сослали на Белоозеро⁷³.

На ханство во второй раз возвели Мухаммед-Эмина (1487–1496). Начиная с этого времени над ханством был установлен русский протекторат, а хан стал вассалом великого московского князя. Наиглавнейшие вопросы внутренней и вся внешняя политика ханства были поставлены под контроль России. Ханство обязывалось выплачивать дань. При хане постоянно находились советники великого князя, рядом с городом размещался русский воинский отряд.

Установление протектората над Казанским ханством позволило Москве приступить к окончательному подчинению Вятской земли, еще сохранявшей самостоятельность. Летом 1489 г. на Вятку было направлено московское войско. Под Котельничем к москвичам присоединился казанский отряд в 700 воинов во главе с князем Ураком. Вятка капитулировала⁷⁴.

В 1491 г. казанское войско совместно с русскими и касимовцами выступали в степи против Большой Орды, хотя до активных боевых действий так и не дошло⁷⁵.

Желая урегулировать отношения с Ногайской Ордой, в Москве санкционировали женитьбу Мухаммед-Эмина на дочери ногайского князя Мусы. Однако прибывшие в составе многочисленной свиты невесты ногайцы

усилили ослабевшую было восточную партию. Окрепнув, она исподволь стала готовить переворот. Весной 1496 г. заговорщиками Калиметом, Ураком, Садырем и Агишем был приглашен сибирский царевич Мамук. О движении сибирско-ногайского войска своевременно стало известно в Москве, и в Казань успели прибыть русские полки, Мамук отступил. Полагая, что опасность миновала, русские войска покинули ханство. Тут же весть об этом дошла до Мамука, который «приде ратью под Казань со многою силою нагайскою и с князи казанскими». Мухаммед-Эмин не имел надежной опоры среди казанцев, поэтому поспешил убежать в Россию.

Однако восшествие на престол Мамука (1496–1497), воспитанного на степных традициях, лишь ухудшило положение казанцев. Желая одарить своих воинов, он не ограничился опустошением казны, а стал грабить казанцев. Никакого ограничения своей деспотической власти он не признавал и бросал в тюрьму всех, кто как-либо противился ему. Такие действия новоявленного хана очень быстро настроили население против него. Первыми выступили арские князья. Для подавления восстания Мамук организовал карательный поход с участием как своих войск, так и с привлечением отрядов казанских феодалов, которых для этого пришлось выпустить из тюрьмы. Однако Арск взять так и не удалось, а казанские князья увели свои отряды. Возвратившись к Казани, Мамук увидел закрытые ворота и изготовившихся к битве горожан. Какое-то время хан стоял под городскими стенами и пытался захватить Казань, пока до него не дошли известия о том, что казанцы предусмотрительно послали делегацию в Москву. Угроза появления в тылу многочисленного русского войска вынудила Мамука уйти от города

еще до разлива рек. Переживая неудачу, изгнанный хан по дороге в Сибирь умер⁷⁶.

По просьбе казанцев в апреле 1497 г. на казанский престол был возведен брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, выросший в Крыму и к тому времени поступивший на службу в России⁷⁷. Однако крымское воспитание очень быстро проявило себя, свое нравный хан не подчинялся Москве и настроил против себя многих казанцев: «начал лгати и ни в какие делах не учал управы чинити, да и земле казанской учал лих быти»⁷⁸. В январе 1502 года Абдул-Латиф по просьбе казанцев был смещен и отправлен в ссылку. На ханство в третий раз возвели Мухаммед-Эмина (1502–1518)⁷⁹.

Однако на этот раз подверженный влиянию Мухаммед-Эмин оказался под воздействием сторонников восточной партии. По установившейся традиции вдова умершего хана Али, ногайская княжна Урбетъ, с разрешения великого московского князя была освобождена из ссылки и вышла замуж за Мухаммед-Эмина. Она очень полюбилась хану и имела на него сильное влияние. С ее помощью сторонники восточной партии добивались устранения явных московских сторонников. Оставаясь в тени, оппозиция смогла вызвать недовольство казанцев репрессиями. Когда для разбирательства из Москвы был прислан Михаил Клепик, возмущенные вмешательством во внутренние дела ханства члены дивана высказались за немедленное избиение всех русских, находящихся в стране. Заговорщики предложили выступить 24 июня, обосновав это тем, что «не добро, асче ныне сие учиним, то мнозии гости, иже к Иванову дни на базар приезжают, услышавше, убогут с пути, идусче семо». Среди верхушки казанской знати, впрочем, остались «вернии доброхоты руские». Князь

Алачей, обязанный жизнью русским, даже успел предупредить посла М.Клепика, но трагедии предотвратить не удалось. 24 июня 1505 г., во время открытия ежегодной ярмарки, татары неожиданно «начаша русских всех имати, убивати и грабити, иже не чаяху никакого зла на себе и опасения не имеша. И бысть избиено множество руси». По Ермолинской летописи погибло около 15 000 русских людей⁸⁰. Убежавших «побили черемиса на дорозе, а иных в избу насажав, да зажгли, и много зла сотвори Руси»⁸¹.

В августе Мухаммед-Эмин во главе 40-тысячного казанского войска, к которому присоединилось 20 тыс. ногайцев, выступил в поход на Русь. С запозданием в Муром были посланы войска во главе с И.И.Горбатовым, С.И.Воронцовым и В.Д.Холмским. Туда же направлялись служилые татарские царевичи Салтанак и Зеналей⁸². 6 сентября казанско-ногайское войско осадило Нижний Новгород, а загонные отряды рассеялись по окрестностям вплоть до Мурома. Казанцам и ногайцам удалось захватить большую добычу, однако этим их успех и ограничился. Идти за Оку было уже нельзя, там сконцентрировалось 60 тысяч русских воинов. Однако наступать воеводы не спешили, предаваясь пьянству и веселью. В то время как «татарове от Нижняго ездяче до Мурома, волости пленяху и воеводам тем ругахуся», т.е. татары выезжали на берег Оки напротив русских и выкрикивали оскорбления по поводу их трусости.

Воеводой в Нижнем Новгороде был талантливый и решительный полководец Иван Васильевич Хабар-Симский, сумевший организовать оборону надлежащим образом. Не имея достаточно сил, он вооружил 300 пленных литовских жолнеров в обмен на обещание освобождения. Русские и

литовцы производили удачные вылазки и отбивали яростные приступы.

Отсутствие успеха и большие потери внесли разлад в ряды союзников. Когда погиб предводитель ногайского войска и несколько их мурз, между ногайцами и казанцами возникла ссора, переросшая в вооруженную стычку. 6 октября ногайцы оставили своих союзников и ушли в Орду. Вынужден был покинуть Россию и Мухаммед-Эмин⁸³. Только под Нижним Новгородом союзники потеряли более 5000 воинов, многие попали в плен. Вопрос о судьбе плененных долгое время был предметом обсуждения дипломатов⁸⁴.

Смерть Ивана III, последовавшая 27 октября, и наступившая осень помешали организовать поход против Казани. Великим князем стал Василий III (1505–1533). Им в апреле 1506 г. была направлена на Казань ладейная и конная рати. Воеводы действовали несогласованно и вопреки всем инструкциям. Приплывшая к Казани ладейная рать не стала дожидаться конницы и сразу же, с ходу, 22 мая атаковала город. Казанцы заранее устроили засаду, отсекали русских от судов, окружили и разгромили⁸⁵. Когда Василий III узнал о случившемся, то послал по Волге подкрепление, строго запретив возглавлявшему войска брату князю Дмитрию Жилке штурмовать Казань до соединения всех сил. Однако тот не послушал распоряжения великого князя и, лишь только под Казань прибыла конная рать, отдал распоряжение о новом штурме. Он начался 25 июня и обернулся еще большей трагедией для русских войск. Как и в первый раз, казанцы применили военную хитрость, тщательно организовав засаду. Как раз в эти дни возле Казани проходила традиционная ежегодная ярмарка. На просторном Арском поле были расставлены шатры, и велся торг. Однако ярмарка на самом деле являлась хорошо организованной ловушкой. Ее ох-

ранял лишь небольшой отряд, основные же силы казанцев, среди которых летописцы выделяют черемисских лучников, располагались наготове в городе и в засаде в ближайшем лесу. Не распознавшее замысла противника русское командование приказало атаковать ярмарку. Находившиеся там татары инсценировали паническое бегство. Русские, долгое время оторванные от своих баз и испытывавшие острый недостаток провизии, заняв ярмарку и обнаружив там много съестного и вина, позабыв об опасности «начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися и играти и спати до полудня»⁸⁶. Выждав момент, татары и черемисы со всех сторон атаковали разомлевших и дезорганизованных русских. Спротивление было слабым, и сражение скоро превратилось в жестокую резню, русское войско потерпело позорное поражение. Уцелевшие остатки русской рати, с трудом отбиваясь от наседавших со всех сторон преследователей, успели на Русь⁸⁷.

Предполагая продолжить войну, хан попытался заключить антимосковский союз с Крымом и Литвой. Для этого туда направили посольства⁸⁸. В Литве заинтересовались и послали в Казань посольством пана Сороку. В Крыму же, напротив, изыскивали возможность для примирения сторон. Крымские послы прибыли в Казань и Москву и убеждали враждующие стороны прекратить конфликт. В Казани произошел переворот в пользу московской партии. Литовский посол Сорока и активные сторонники войны погибли⁸⁹. После этого стали возможны мирные переговоры. Казанская мирная делегация прибыла в Москву в марте 1507 г., предупредив тем самым новый русский поход на Казань. В ходе переговоров обе стороны пришли к компромиссу: были возвраще-

ны все русские пленные, захваченные в ходе войны, и Мухаммед-Эмин формально признал вассальную зависимость ханства от России. Однако фактически Казанское ханство восстановило суверенитет, могло проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, вмешательство во внутренние дела ханства было устранено, русские войска не вводились в страну, не посылались в Казань и советники.

В последующие годы отношения между государствами развивались в целом благоприятно, было возобновлено взаимовыгодное экономическое сотрудничество. В 1510–1511 гг. Москву и Казань посетили крымская царица Нур-Салтан и царевич Сахиб-Гирей⁹⁰. Целью поездки являлось укрепление дружественных отношений между странами. В марте 1512 г. между Москвой и Казанью был заключен «вечный мир»⁹¹. Тем не менее, обострения на границах происходили не раз. К этим годам относится сообщение Герберштейна о разбоях черемисов между Галичем и Вяткой⁹². В Разрядной книге имеются записи о том, что в 1513 и 1517/18 гг. в пограничные города были направлены дополнительные силы «для козанских людей приходу»⁹³.

В первой четверти XVI в. произошли значительные изменения в расстановке политических сил в Восточной Европе. Набирало силу Российское государство, внешнеполитическое влияние которого быстро росло. Одновременно произошло значительное усиление Крымского ханства, с 1475 г. ставшего вассалом Османской империи. Крымские феодалы задалась целью распространить свою власть на все пространство, ранее подчиненное Золотой Орде, возродить «юрт отцов». Начиная с 1507 г. крымские татары стали нападать на южные окраины России. Особенно участились

набеги после смерти в 1515 г. хана Менглы-Гирея, который являлся союзником России, и восшествия на престол ее яркого противника Магмед-Гирея I (1515–1523)⁹⁴.

Известие о смертельной болезни бездетного казанского хана Мухаммед-Эмина давало как России, так и Крыму повод для вмешательства во внутренние дела Казанского ханства. Братья Мухаммед-Эмина – Худайкул и Мелик-Тагир – давно приняли православие и поэтому утратили право на казанский престол. Казанцы просили у великого князя отпустить к ним на ханство опального Абдул-Латифа. На этом же настаивал и Крым. Однако его прокрымская ориентация была хорошо известна в Москве. В ноябре 1517 г., перед отъездом в Казань, он умер при загадочных обстоятельствах. Не исключено, что тут не обошлось без предумышленного отравления. Предложенная Бахчисараем кандидатура крымского царевича Сахиб-Гирея Москвой была отклонена. На освободившееся в декабре 1518 г. место казанского хана Москвой был направлен касимовский царевич Шигалей (Шах-Али Шейх-Аулиярович). Он родился в России в 1505 г. Его отец приходился племянником хану Большой Орды Ахмату, и потому Шах-Али являлся кровным врагом крымцев. Остановившись на этой кандидатуре, Боярская дума рассчитывала тем самым застраховать себя от нового антирусского сговора.

В апреле 1519 г. 13-летний Шах-Али (1519–1521) прибыл в Казань в сопровождении русского посла Ф.И.Карпова и воинского отряда. При новом хане позиции России в Среднем Поволжье временно укрепились.

Воцарение русского ставленника устраивало далеко не всех, предпринимались попытки склонить Шах-Али к антирусским действиям. Хану говорили: «Да владеши ты един Казанию

и всеми нами и, укрепившись во орде своей, будешь с руси дань емляти, яко же и прежде деды наши; и будем, пленя землю Рускую, богатети». Шах-Али, несмотря на свой юный возраст, отличался умом. Выслушав казанскую знать, он возразил им, сказав, что теперь ситуация сильно изменилась, и слабое Казанское ханство никогда не сможет подчинить более сильную Россию. Зная о контактах казанской знати с крымцами, он предостерегал: «На крымских нам надежды нет, той бо хосчет вся себе покорити»⁹⁵. Тем не менее, контакты сторонников восточной партии с крымцами и ногайцами не прекращались. Шах-Али стал заключать представителей оппозиции в тюрьму и предавать казни. Репрессии оттолкнули казанцев от русского ставленника, подготовив почву для государственного переворота.

Весной 1521 г. крымское и ногайское войска предприняли вторжение на Русь. Перед этим в Казань был послан с 300 воинами царевич Сахиб-Гирей⁹⁶. В Казани с приходом крымцев вспыхнуло восстание, арестовывались или убивались все русские, касимовцы и явные сторонники Шах-Али из числа казанцев. Казанский летописец указывает, что только татар было убито 5000 и еще 1000 русских⁹⁷. Самому Шах-Али вместе с женой, русским послом и еще 300 касимовским татарами удалось покинуть страну. На казанском престоле утвердился представитель крымской династии Сахиб-Гирей (1521–1524).

Сразу же после переворота началась война с Россией. Казанцы прошли через нижегородские, муромские, мещерские и владимирские земли и 1 августа соединились с ногайцами и крымцами в Коломне под Москвой. Основательно разорив Подмоскovie, союзники с большой добычей и полною ушли обратно⁹⁸. На других направлениях также происходили

вторжения казанских отрядов. Галицкий летописец сообщает, что 26 мая «приходили татаровя казанския с черемисою на Унжеския волости и на парфян и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша прочь». Русские погнались за ними и «много с татары бишася, и много татар и черемисы побиша и плен весь отъяша, и на костях сташа». Однако 4 июня в эти же места вторгся уже намного больший отряд. Казанцы долго осаждали Унжу и грабили окрестные волости. Летопись сообщает, что «того же лета приходили татаровя в Жегово и Найду и в Шартаново и на Толшму». Нашествие распространилось вплоть до р. Сухона. Только из одной волости Толшмы было уведено в плен 6500 человек⁹⁹. Подвергалась нападению и Вятская земля¹⁰⁰. Пленных казанцами русских людей с большой выгодой впоследствии продали на базарах Астрахани и Кафы.

В следующем году нападения казанцев продолжились. 15 сентября 1522 г. «приходили татаровя и черемиса на Галецкая волости и поплениша их много, а люди иссекоша и заставу великого князя в Парфенева разгнаша, а воевод съсекоша, а иных в полон поведоша», а 28 сентября «ударихася татаровя на Южно безвестно на монастырь, и церковь Николы Чудотворца ожъгоша и людей в полон поведоша, а иных иссекоша», – сообщает летописец¹⁰¹.

Зимой 1522/23 г. Сахиб-Гирей начал мирные переговоры с Москвой. Однако когда весной крымский хан Магмед-Гирей и ногайский князь Мамай заняли Астрахань и изгнали оттуда союзника России хана Хусейна, Сахиб-Гирей прервал переговоры и приказал казнить русского посла В.Ю.Поджогина, перебить всю его свиту и русских купцов, рискнувших возобновить торговые операции с Казанью. По словам летописца, Сахиб-

Гирей «много зла христианству навел и кровь пролил, яко воду»¹⁰².

Тем временем на юге произошли важнейшие события, основательно изменившие политическую ситуацию в Восточной Европе. Ногайские князья Мамай и Агиш после совместной с крымцами победы над астраханским ханом Хусейном обеспокоились усилением влияния Магмед-Гирея в Поволжье. Неожиданно они напали на крымцев, убили самого хана и его сына Батыра и много воинов, после чего совершили поход на Крым¹⁰³. Военные силы и экономика Крымского ханства оказались существенно подорваны. Надежда на установление крымской гегемонии над Средним и Нижним Поволжьем в одночасье рухнула.

Новый крымский хан Саадет-Гирей (1524–1532) не был враждебно настроен против России и возможности вести с нею войну не имел. Послав в Москву своего гонца Кудояра, хан писал: «Да послал есми гонца своего в Казань к брату своему к Саип-Гирею царь с кем яз в дружбе буду. А ты б с тем в дружбе же был, а тот из моего слова не выступит. И ты б ся с Казанью помирил, рати бы еси своей на них не посылал, однолично братству твоему примета то»¹⁰⁴. Однако в Москве поспешили воспользоваться удобным моментом. В сентябре 1523 г. русское войско вторглось на Горную сторону, судовая рать доплыла до Казани¹⁰⁵. В устье Суры на правом казанском берегу была построена крепость Васильсурск. Окрестное население, «мордву и черемису казанскую за государя всея Руси к шерти привели»¹⁰⁶. Васильсурск был построен одновременно как пограничная крепость и как база для наступления на Казань. Строительство Васильсурска неоднозначно расценили уже современники. Герберштейн полагал, что целью походов русских войск

было покорение Казанского ханства, и указывал, что возведение Васильсурска «явилось источником многих бедствий»¹⁰⁷. Крепость поставили на правом казанском берегу, и это вызвало недоумение даже среди русской знати. Сын боярский И.Н.Берсень-Беклемишев в разговоре с Федькой Жареным говорил: «Почто князь великий ходил в Новгород, поставил на их стороне лукно¹⁰⁸, ино как ся с ними помирити?... и поставити было город, ино было поставить на своей стороне, ино бы и миру быти». Другие представители знати, напротив, одобрили строительство Васильсурска. Митрополит Даниил хвалил Василия III, за то «что город поставил» и говорил, что великий князь «тем деи городом всю землю казанскую возьмет»¹⁰⁹. Итальянец Павел Иовий писал, что «при впадении реки Суры царствующий ныне Василий основал город Сурцик с той целью, чтобы устроить в этом пустынном месте надежное и безопасное пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников, которые ставят в известность ближайших порубежных начальников о татарских делах и движениях этого беспокойного племени»¹¹⁰.

17 октября произошел ответный набег казанцев. Татары подошли к Галичу, сожгли посад, но города взять не смогли и отступили¹¹¹.

Сахиб-Гирей просил помощи у Крыма, но оттуда был послан лишь небольшой отряд во главе с тринадцатилетним царевичем Сафа-Гиреем, племянником Сахиб-Гирея. Но и тот был перехвачен касимовцами и понес потери, хотя царевич сумел прорваться в Казань¹¹². Не получив помощи из Крыма, весной 1524 г. Сахиб-Гирей направил своего посла непосредственно к турецкому султану с просьбой об оказании помощи и намерении признать турецкий вассалитет. Однако в Стамбуле тогда еще мало интере-

совались делами в далеком Среднем Поволжье. Действенной помощи Казань так и не получила. Турция ограничилась лишь дипломатическими мерами. Летом 1524 г. в Москву прибыл турецкий посол – грек Искиндер Сака. Статус его был невысок, он являлся купцом и посольские функции выполнял попутно. Кроме вопросов о дружбе и торговле, он коснулся и казанской проблемы. Посол заявил, что «Саип-Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а заложилися за государя нашего: и то юрт государя нашего, и князь бы великий х Казани рати не посылал». Посольский дьяк Шыгоня невозмутимо отвечал: «Посылал Саип-Гирей царь к салтану – ино то он ведает, а то изначально юрт государя нашего»¹¹³. После этого вопрос о турецком вассалитете больше не поднимался.

В исторической литературе в связи с этим фактом появились утверждения о распространении турецкого вассалитета на Казанское ханство. Сахиб-Гирей хан даже стал именоваться турецким ставленником¹¹⁴. Конечно же, никаких, даже формальных, проявлений вассалитета не было, все ограничилось простой декларацией турецкого посла, на которой он даже не стал настаивать. Факт турецкого вассалитета убедительно опровергается С.Х.Алишевым¹¹⁵. Вместе с тем попытка установления вассальных отношений Казанского ханства к Турции знаменовала собой поворот в истории русско-турецких отношений XVI в. – от дружественных, какими они были во времена Селима I, к враждебным.

В то время, когда Искиндер Сака прибыл в Москву, русские войска уже выступили в поход на Казань. Правительство Василия III рассчитывало нанести решающий удар Казанскому ханству. Для этого были собраны значительные силы¹¹⁶. Судовая рать отплыла 14 мая. Номинально ее воз-

главлял Шах-Али. По Казанскому летописцу, численность войск достигала 150 000 воинов¹¹⁷, Герберштейн пишет, что число русских «судов было так велико, что река [Волга], пусть и широкая, повсюду казалась покрытой множеством кораблей»¹¹⁸.

В Казани были в панике, Сахиб-Гирей покинул Казань, передав престол племяннику. Русские источники единодушно утверждают, что Сахиб-Гирей покинул ханский престол и Казань, испугавшись русской рати¹¹⁹. Восточные источники умалчивают о причине бегства Сахиб-Гирея из Казани. Сейид Мухаммед Риза, например, заявляет, что Сахиб-Гирей, «просидев пять лет на ханском троне при непрерывных мятежах и смутах, счел за благо уступить свое беспокойное место бывшему при нем племяннику своему, сыну Махамед-Гирея, Сафа-Гирею, а сам, под предлогом благочестивого путешествия к святым местам, удалился к порогу могущества султана Сулеймана, где он и был милостиво принят»¹²⁰. Личный врач и биограф Сахиб-Гирея турок Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсунизаде Нидаи-эфенди, более известный как Реммал Ходжа, в 1553 г. написал сочинение «Тарих-и Сахиб-Гирей» («История Сахиб-Гирей хана»). Касаясь обстоятельств отъезда хана из Казани, он пишет, что Сахиб-Гирей был «ханом в Казани, но по собственной воле оставил... прибыл сюда, чтобы ехать к святой Каабе»¹²¹. Герберштейн сообщает, что Сахиб-Гирей оставил престол временно и только для того, чтобы выпросить помощь у турецкого султана¹²². Однако предположение Герберштейна не находит подтверждения. Прибыв в Крым, Сахиб-Гирей не выезжал в Стамбул и не проявлял какой-либо активности в решении казанских дел, напротив, он включился в борьбу за власть в Крымском ханстве и, по прошествии времени, занял

ханский престол. В 1538 г. Сахиб-Гирей, будучи уже крымским ханом, в письме Ивану IV отрицал факт своего изгнания из Казани и объяснял отъезд единственно желанием возвратиться в Крым. «Коли есми в Казани был и в день и в ночь за все есми мыслил про свой юрт, – писал он, – николи у меня из мысли не выхаживал. А мысль наша была х Крыму итти на свою землю. А казанские люди и добрые и худые так нам говорили, чтобы мы у них были, да так ся не стало. От таковы мысли от них пошли есмя, а не они нас от себя отослали. Таково божья величества судеб дело, землю нашу нам в мысль вложил, от того юрта нас отвел, слава богу»¹²³. Ясно, что Сахиб-Гирея не привлекала расположенная на отшибе мусульманского мира Казань с ее суровым северным климатом и чрезвычайно опасным русским соседом. Но, скорее всего, Сахиб-Гирей скрывал истину, и его отъезд являлся не только собственной инициативой, но и следствием противоречий с казанской знатью. В Пафнугиевском летописце сказано, что «князи казанские Саап-Кирея с царства збили, того ради, что посылал на великого князя украину без их ведома»¹²⁴.

Новый казанский хан Сафа-Гирей (1524–1532) был энергичным и мужественным, упрямым и резким, решительным и настойчивым человеком с авантюристическим складом характера, обладал несомненным талантом полководца и организатора, был изворотливым политиком и дипломатом. Турецкий хронист XVI в. Мустафа аль-Дженнаби называет его «одним из величайших и могущественных государей»¹²⁵. Ему вторит его современник астраханский поэт Ходжа Тархани Шерифи, который называет Сафа-Гирея обладателем сабли и пера, источником благородства и щедрости, т.е. указывает, что он был не только воинственным, но и обра-

зованным¹²⁶. Сообщение восточного источника полностью подтверждается словами Казанского летописца, который повествует о том, что, будучи в услужении у хана, часто беседовал с ним по вопросам татарской истории и то, что хан рассказал ему, впоследствии вошло в его сочинение¹²⁷. Такой человек встал во главе Казанского государства в ответственный момент, когда к столице приближалось неслетное вражеское войско.

Сафа-Гирей, проявив незаурядные способности, организовал отпор русскому наступлению, сумев отстоять независимость ханства. Лишь только 7 июля русские появились под Казанью, татары сразу же стали совершать вылазки из города, а марийцы развернули против них настоящую партизанскую войну. Они перекрыли все дороги и не давали русским не только пополнять продовольственные запасы, но и лишили их всякой связи. Казанцы же, через своих марийских разведчиков, были в курсе всех действий русских войск.

Василий III, обеспокоенный длительным отсутствием известий из-под Казани, направил по Волге суда с провиантом, вооружением, боеприпасами и жалованьем. Командующим флотилией был назначен боярин Иван Палецкий. По суше для подкрепления был послан отряд из 500 всадников. Однако как этому отряду, так и флотилии не суждено было соединиться с главными силами. Всадники были окружены на Горной стороне черемисами и разгромлены. Прорваться к своим смогли только девять воинов.

Более масштабную трагедию пришлось пережить флотилии, плившей по Волге. Уже в пределах ханства часть ее судов пристала на ночлег к левому берегу. Перед восходом солнца, скрытые густым туманом, марийцы незаметно подкрались к расположившимся на берегу русским и

стремительно атаковали их. Около 90 судов и 2700 человек или погибли, или были захвачены нападавшими. Сам воевода И.Палецкий в числе немногих сумел добраться до ладьи и отплыть от берега. После столь дерзкого нападения оставшиеся суда флотилии начали прижиматься к противоположному правому берегу. На это и рассчитывали марийцы и чувашаши. В узком месте реки, где острова разделяли русло на несколько протоков, ими были заранее сооружены запруды из стволов деревьев. Большинство историков соотносит эти события с местом у Важнангерского (Мало-Сундарского) городища, известного еще и как Аламнер¹²⁸. Столкнувшись с непредвиденным препятствием русские суда скопились под высоким обрывистым берегом. Черемисы, выждав момент, стали сбрасывать на них сверху заблаговременно срубленные могучие дубы и большие камни, до поры, удерживаемые на веревках. Срывающиеся с кручи огромные деревья и камни падали на сгрудившиеся суда, топя их: «...погражатися от единого древа ладьям 5 и боле с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом». В начавшейся панике суда сталкивались, люди оказывались в воде и тонули. С берега русских осыпали тучами стрел меткие черемисские лучники. Разгром флотилии был полным. Русские потеряли почти все суда, погибло 25–30 тысяч человек. Лишь небольшой группе судов, на одном из которых находился и воевода И.Палецкий, удалось прорваться к Казани. Черемисам достались богатые трофеи. Несколько дней они поднимали со дна реки пушки, порох, ядра, воинскую амуницию, оружие, серебро, золото, жемчуг и другие драгоценности¹²⁹.

Намного удачнее действовала конная рать, возглавляемая И.В.Хабаром-Симским. Преодолевая сопротивление горных людей, она 24 июля вышла

на Итяково поле возле реки Свияги. Здесь ее уже поджидало большое казанское войско, усиленное чувашско-марийским ополчением. Казанцами командовали князья Отуч (Отун) и аталык Талыш. Последний был известным казанским воеводой. Яркую характеристику ему дал Казанский летописец. Он называет его храбрым и решительным воином, без страха нападавшим с небольшим отрядом «на велик полк бойцев удалых», наносившим поражение русским и всегда остающимся неуязвимым. Внешне Талыш производил впечатление богатыря из тюркского эпоса, был величественный, широкоплечий. Он обладал невиданной силой, мог одним ударом меча разрубить противника надвое. От его разящего меча не спасал ни шлем, не панцирь. Стеля из лука, он мог посылать стрелу более чем за версту. Без промаха поражал любую цель – птицу, зверя или человека. Русские воины боялись вступать с ним в бой и спасались бегством. Храбрейшие и сильнейшие русские витязи не отваживались выезжать с ним на поединки. Даже воевода Иван Бельский не чувствовал уверенности в своих силах и не принимал вызовов Талыша¹³⁰.

Первыми атаковали казанцы, согласно Пафнутиевскому летописцу, они «пришли на воевод безвестно». Волоколамский летописец указывает, что в атаке участвовало 2000 «избранных татар», их поддерживало татарское ополчение, марийцы, чувашаши и мордва. Сражение приняло ожесточенный характер и с перерывами с переменным успехом продолжалось три дня. В конце концов, сражение завершилось полной победой русских: «...на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чувашу избиша, и иных князей и мурз многих живых поимаша». Бегущих преследовали и убивали, многие утонули в Свияге и

Волге. Лишь некоторым удалось спастись в ладьях или рассеяться по лесу. По словам воевод, казанцы потеряли около 42 000 человек, велики были потери и у русских¹³¹.

Воины Хабар-Симского жестоко отомстили горным людям за уничтожение конного отряда и флотилии И.Палецкого. Они лавиной прошли по беззащитным селениям Горной стороны, «воююще улусы казанския» и «повоеваша нагорную черемису»¹³².

Обе воюющие стороны понесли большие потери, поэтому быстро согласились на перемирие. Война завершилась в целом благоприятно для Казанского ханства. Оно сумело отстоять свою независимость, а на ханском престоле остался Сафа-Гирей. Достигнутым успехом Казань во многом была обязана действиям черемисских отрядов, т.е. марийцам и чувашам. Однако эта же война показала, что Казань не в состоянии защитить своих подданных на Горной стороне. В дальнейшем это обстоятельство сыграло важную роль в политической переориентации горных марийцев, чувашей и мордвы.

ЗаклЮчить перемирие с русскими казанцев вынудили не только тяжелые потери и усталость от войны, но и осложнения с Ногайской Ордой. Ногайские отряды начали нападать на казанское пограничье. Бежавший из Казани в Крым Сахиб-Гирей столкнулся с людьми князя Агиша и едва не погиб¹³³. Вскоре после ухода русской рати из-под Казани, в конце августа ногайцы вторглись на земли ханства и подвергли их сильному разорению¹³⁴.

Начавшиеся с 1525 г. мирные переговоры между Москвой и Казанью затянулись и были безрезультатными. Русское правительство никак не хотело смириться с восстановлением Казанским ханством полного суверенитета и безуспешно добивалось хотя бы формального признания зависи-

мости ханства. Оказывалось экономическое давление. Ярмарка из-под Казани была перенесена под Нижний Новгород к Макарьеву монастырю¹³⁵. Между Казанью и Москвой началась торговая война, от которой страдали обе стороны. Произошло нарушение русско-казанских торговых связей. Герберштейн пишет, что Василий III пригрозил «тяжкой карой всякому из своих подданных, кто отправится впредь торговать» в Казань. Очевидно, то же самое сделал и Сафа-Гирей, «...следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров...». В Казани не получали русские товары и, в первую очередь, соль, русские лишились «очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани»¹³⁶. В Казани было много желающих продолжать нападения на русские поселения. На границах возникали инциденты. Против русских дипломатов устраивались провокации. Все это мешало заключению мира. Герберштейн писал, что во время его второй поездки в Москву в 1526–1527 гг. казанские послы «все еще находились в Москве, но и тогда не было никакой надежды на заключение в будущем мира между ними»¹³⁷. Переговоры неоднократно заходили в тупик, и стороны стояли перед возобновлением боевых действий. Ситуация обострилась в 1529 г., когда хан подверг посла А.Ф.Пильмова оскорблениям и отказался от дачи шертной грамоты¹³⁸.

Правительство Василия III снова попыталось решить проблему военным путем. В апреле 1530 г. две рати, судовая во главе с Ф.И.Бельским и М.В.Горбатым и конная во главе с М.Л.Глинским и В.А.Шереметевым были направлены на Казань. На этот

раз русские усвоили преподанный им шесть лет назад урок и сумели беспрепятственно провести свои суда к Казани. Двигавшейся через Горную сторону коннице, напротив, пришлось преодолевать ожесточенное противодействие со стороны марийцев, чувашей и татар. Только 10 июля конное войско вышло к Казани.

Но и в Казани уже успели подготовиться к осаде. Сафа-Гирей «посла во вся улусы казанския по князи и мурзы, веля им в Казань собраться изо отчин своих». Среди прибывших для защиты города заметную часть составляли марийские отряды. Марийцами вокруг казанского посада были возведены деревянные стены, которые им же поручили защищать. На подмогу казанцам пришло 30 000 ногайских воинов во главе со старшим сыном князя Ших-Мамая мурзой Касаем и братом Яглызом (Агишем). Прибыл астраханский отряд.

Противостоящие силы были значительными, и события разворачивались динамично. Русские приступили к обстрелу города из пушек, а казанцы стали предпринимать многочисленные вылазки. У стен города с утра до вечера происходили ожесточенные столкновения. Лишь на короткую летнюю ночь противники отходили на отдых в свои лагеря. В ночь на 15 июля десять русских смельчаков незаметно подкрались к стенам острога и, воспользовавшись тем, что утомленные стражники задремали, убили их и подожгли деревянные стены. Прежде чем был подан сигнал тревоги, огонь успел охватить значительную часть острога и русские смогли ворваться в посад. В начавшейся панике защитники посада гибли, не успев одеться и взять в руки оружие. Тогда же погиб знаменитый казанский воевода аталык Талыш. Его настигли безоружного, раздетого и босого и закололи копьями. Лишь отчаянное самоотвер-

женное сопротивление группы воинов позволило некоторым спастись и укрыться за городскими стенами. В этом сражении погибло более 15 000 защитников посада, преимущественно марийцы и ногайцы.

После потери посада положение защитников Казани стало критическим. Русские поставили возле городских стен гуляй-город и начали вести непрерывный пищальный и пушечный обстрел. В переполненной людьми Казани ядра и пули легко находили себе жертву.

В один из дней началась сильная буря с ураганным ветром и проливным дождем. Русские воины поспешили укрыться от непогоды, покинув позиции. Сафа-Гирей решил использовать удобный момент для бегства. Забрав всех имевшихся лошадей, крымцы пошли на прорыв. Отсыревший порох не дал русским возможности воспользоваться огнестрельным оружием, с большими потерями Сафа-Гирею и его людям удалось прорваться сквозь кольцо осады. Брошенные своим ханом и преданные союзниками, казанцы впали в депрессивное состояние. Несмотря на то, что в городе оставалось еще 12 000 воинов, никакого желания сопротивляться не было. Даже крепостные ворота три часа оставались открытыми. Вступить в Казань русским помешал лишь местнический спор, возникший между князьями И.Ф.Бельским и М.Л.Глинским. Каждому из них хотелось первому войти в город.

В Казани не потеряли присутствия духа лишь одни марийцы. Воспользовавшись неразберихой и странным поведением русских, они сделали дерзкую вылазку и захватили 80 городен (щитов) из гуляй-города, 7 пушек, пищали и целый обоз с боеприпасами. Все это марийцы смогли беспрепятственно увезти в город и закрыть за собою ворота. Наблюдая со стен

героические действия марийских воинов, казанцы воспрянули духом и изготовились к обороне. Опомнившиеся русские еще много дней обстреливали город, но победа выскользнула из их рук. 30 июля воеводы согласились на перемирие и, удовлетворившись данью за три года, приказали войскам возвращаться в Россию¹³⁹.

После ухода русских войск в Казань вернулся Сафа-Гирей. Казанцы не выказали открыто своего отношения к хану, но настроения горожан сильно изменились в пользу мира с Россией. Они были недовольны предательским бегством хана и союзников, устали от затянувшегося десятилетнего конфликта, последствия которого отрицательно сказывались на экономике ханства, препятствовали торговле с Россией.

Осенью того же года в Москве возобновились мирные переговоры. Казанскую делегацию возглавляли князь Табай, Тевекель и бакшей Ибрагим. Казанцам и русским на этот раз удалось прийти к соглашению. Остановились на формулировке, признававшей казанского хана «братом и сыном великого князя», что ставило Сафа-Гирея почти в равное положение с московским государем. Казанцы обязывались возвратить захваченную марийцами артиллерию и произвести размен пленными. Однако с трудом достигнутое соглашение не было утверждено Сафа-Гиреем. Он выдвинул предварительным условием для заключения мира возвращение делегации, передачу в одностороннем порядке всех казанских пленников и захваченной казанской артиллерии. Отказ от ратификации мирных договоренностей стал неприятным сюрпризом не только для русских, но и для казанской делегации. «А ныне царь в своем слове не устоял, – говорили казанцы, – на чем великому государю бити челом послал, и он то все презрел, а

нас забыл, а того не похотел, на чем мы зделали». Непоследовательность хана они объяснили тем, что «пристали к нему крымцы да нагаи да тутошние люди лихие». Срыв мирных переговоров однозначно вел к возобновлению военных действий, что противоречило желаниям основной массы казанцев. Выражая их настроения, послы заявили боярам о том, что Сафа-Гирей не пользуется поддержкой народа: «...а земля с ним однолично не вместе...», и что они не хотят больше служить предавшему их хану. «Царю казанскому служить не хотим... коли мы царю ненадобны, и нам царь ненадобен», – заявили они. После чего послы неожиданно для русских объявили о своем желании организовать переворот в Казани и попросили Василия III оказать военную поддержку¹⁴⁰.

Тем временем Сафа-Гирей возобновил военные действия. В январе – феврале 1532 г. татары и черемисы предприняли крупномасштабное вторжение в русские северные волости Толшму, Тиксну, Сянжему, Товто, Городишную, Унжу и многие другие. Нападения принесли много бедствий русскому народу. Масса людей погибла или была захвачена в плен, сгорели многие селения и церкви. Сохранился рассказ о длительной осаде 14-тысячным татарско-черемисским войском Солигалича. Вторжение было столь значительным, что в Тотье, Устюге и Вологде началась паника. Лишь посланные из Чухломы войска вынудили казанцев отступить¹⁴¹.

Одновременно с возобновлением войны в Казани, по распоряжению хана, была арестована русская делегация, которая вела мирные переговоры. Стремясь сделать примирение с Россией невозможным, Сафа-Гирей, невзирая на протест многих казанских князей и мурз, намеревался казнить переговорщиков. Недовольство ханом достигло крайнего предела, и весной

1532 г. в Казани произошел переворот. Многие крымцы, ногайцы и казанцы из окружения хана были перебиты. Погиб сибирский князь Растов с детьми, князь Али Шакуров и другие. Прочих вместе с ханом выгнали прочь из города. Новое правительство возглавил князь Булат Ширин и дочь хана Ибрагима царевна Ковгоршад (Гаухаршад). По их просьбе 29 июня 1532 г. на ханство русские посадили брата Шах-Али 15-летнего касимовского царевича Джан-Али (1532–1535)¹⁴². Шах-Али был недоволен тем, что его

проигнорировали, и даже начал вести переговоры с казанцами и иными странами. Скоро это стало известно великому князю. Попытку вести самостоятельную политическую игру жестко пресекли. Опального служилого хана арестовали и отправили в ссылку на Белоозеро¹⁴³. Около 200 приближенных хана через два года за какую-то провинность были сурово наказаны, одних бросили в тюрьму и большинство там погибло, большую часть женщин и детей насильно окрестили¹⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶⁶ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 26; РК. 1475–1598 гг. – М., 1966. – С. 20; ПСРЛ. – Т. V. – С. 44.

⁶⁷ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 26–27.

⁶⁸ ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 217; Т. XXIV. – С. 205; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 27–28.

⁶⁹ Сб. РИО. – Т. 41. – С. 64–65.

⁷⁰ КИ. – С. 58.

⁷¹ ПСРЛ. – Т. XXXVII. – С. 50, 96.

⁷² Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 170.

⁷³ ПСРЛ. Т. IV. – С. 299; Т. VI. – С. 266; Т. VIII. – С. 281; Т. XIII. – С. 65; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 134.

⁷⁴ ПСРЛ. – Т. XXXIII. – СПб., 1910. – С. 125; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 76.

⁷⁵ Сб. РИО. – Т. 41. – С. 115–116.

⁷⁶ ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 232; Т. XII. – С. 243.

⁷⁷ РК. 1475–1636 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 50; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 87.

⁷⁸ Сб. РИО. – Т. 41. – С. 461.

⁷⁹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 65.

⁸⁰ ПСРЛ. – Т. XXIII. – С. 197; Т. XXXIV. – С. 8.

⁸¹ ПСРЛ. – Т. XXX. – С. 140.

⁸² РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 87.

⁸³ КИ. – С. 60; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 99–100.

⁸⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 54–55, 58–59, 65–66, 75–76, 78–79, 81.

⁸⁵ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 101.

⁸⁶ КИ. – С. 62.

⁸⁷ ПСРЛ. – Т. VI. – С. 245; Т. VIII. – С. 246; Т. – С. XIII. – С. 4; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 102.

⁸⁸ Lietuvos Metrika (1499–1514). Užrašymų knyga 8. – Vilnius, 1995. – P. 51–57, 59–60; Сб. РИО. – Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордями и с Турцией. – СПб., 1895. – Ч. 2. 1508–1521 гг. – С. 56, 71, 75, 77.

⁸⁹ Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). – Ф. 389. Литовская метрика. Кн. записей №7. – С. 578, 662; Lietuvos Metrika. (1499–1514). Užrašymų knyga 8. – P. 394; Сб. РИО. – Т. 95. – С. 77–78.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. VI. – С. 251–252; Т. XIII. – С. 13–14; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 107–108.

- ⁹¹ ПСРЛ. Т. VI. – С. 252; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 108.
- ⁹² *Герберштейн С.* Указ соч. – С. 162.
- ⁹³ РК. 1475 – 1636 гг. – Т. 1. Ч. 1. – С. 131, 156.
- ⁹⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 5, 15; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 103, 108–109, 115, 117.
- ⁹⁵ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 122.
- ⁹⁶ Сб. РИО. – Т. 95. – С. 678.
- ⁹⁷ КИ. – С. 65.
- ⁹⁸ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 518; *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 173, 175; *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. – СПб., 1905. – С. 602; Древняя российская вивлиофика. (Далее: ДРВ). – М., 1791. – Т. 18. – С. 84.
- ⁹⁹ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 601–602.
- ¹⁰⁰ Документы по истории Удмуртии. – Ижевск, 1958. – С. 349–350.
- ¹⁰¹ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 602.
- ¹⁰² ПСРЛ. – Т. VI. – С. 264; Т. VIII. – С. 270; Т. XXXI. – С. 127; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 124; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. – М., 1951. – Т. 7. – С. 281.
- ¹⁰³ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 176.
- ¹⁰⁴ РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. № 6. – Л. 8–9 об., 11–11 об.
- ¹⁰⁵ РГАДА. – Ф. 201. Рукописное собрание М.А. Оболенского. № 42. – Л. 20; *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI века // Московский край в его прошлом. – М., 1930. – Ч. 2. – С. 110.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. – Т. VI. – С. 264, 281; Т. VIII. – С. 270; Т. XIII. – С. 43–44; Т. XXII. Ч. 1. – С. 538; *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 176.
- ¹⁰⁷ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 134, 176.
- ¹⁰⁸ Лукном или лукошком Берсень-Беклемишев иронично называл новую крепость Васильсурск из-за ее небольшого размера.
- ¹⁰⁹ Акты, собранные в библиотеках Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук (Далее: ААЭ). – СПб., 1836. – Т. 1. – С. 144.
- ¹¹⁰ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1997. – С. 273.
- ¹¹¹ ПСРЛ. – Т. IV. – С. 541; Т. VI. – С. 281–282.
- ¹¹² *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С. 109.
- ¹¹³ Документы архива министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела № 1» // *Дунаев Б.И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. – М., 1916. – С. 76–77.
- ¹¹⁴ *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549 гг.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1954. – Т. 6. – С. 187–257; *Бурдей Г.Д.* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 27–36; *Айплатов Г.Н.* Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 19; *Котляров Д.А.* Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999. – Л. 202; *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX вв. – Казань, 2001. – С. 9.
- ¹¹⁵ *Алишев С.Х.* Исторические судьбы... – С. 15.
- ¹¹⁶ РК. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. – С. 189–190; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 124.
- ¹¹⁷ КИ. – С. 67.
- ¹¹⁸ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 176–177, 179.
- ¹¹⁹ РГАДА. – Ф. 201. Рукописное собрание М.А. Оболенского. № 42. – Л. 20 об.; ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 270; Т. XIII. – С. 44; Т. XXI. – С. 127; РК. 1475 – 1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 190; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... С. 282; Документы архива министерства иностранных дел в Москве. – С. 58.
- ¹²⁰ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – М., 2005. – Т. 1. – С. 399.

- ¹²¹ Архив востоковедов. Институт восточных рукописей РАН. – Ф.50 (Василий Дмитриевич Смирнов). Оп. 1. ед. хр. 114. Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского. Сочинение Раммаль-Ходжи-Кедаи-Кайсуни. – Л. 2.
- ¹²² *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 176.
- ¹²³ РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. № 8. – Л. 534–534 об.
- ¹²⁴ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С. 109.
- ¹²⁵ *Худяков М.Г.* Указ. соч. – С. 113.
- ¹²⁶ *Шерифи Х.Т.* Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 1995, май. – С. 87.
- ¹²⁷ КИ. – С. 44.
- ¹²⁸ *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: мифы и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское городище и его округа). – Йошкар-Ола, 2006.
- ¹²⁹ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 177–178; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 124; КИ. – С. 67–68.
- ¹³⁰ КИ. – С. 70.
- ¹³¹ РГАДА. – Ф. 201. Рукописное собрание М.А. Оболенского. № 42. – Л. 20 об.; ПСРЛ. – Т. VI. – С. 264; Т. VIII. – С. 270; Т. XIII. – С. 44; – Т. XX, Ч. 1. – С. 403; – Т. XXII. Ч. 1. – С. 520, 538; – Т. XXIII. – С. 203; – Т. XXIV. – С. 222; – Т. XXXI. – С. 127; РК. 1475 – 1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 189–191; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С.124; КИ. – С. 68; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С.282; *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 179; *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С. 111; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). – М., 1972. – С. 262–263.
- ¹³² КИ. – С. 68; *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 179; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 124–125.
- ¹³³ Документы архива министерства иностранных дел в Москве. – С. 58.
- ¹³⁴ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С. 111.
- ¹³⁵ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. – С. 520; *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С. 111–112; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 282.
- ¹³⁶ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 179.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 272; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 126.
- ¹³⁹ ПСРЛ. – Т. III. – С. 199; Т. IV. – С. 16; Т. VIII. – С. 273; Т. XIII. – С. 47; Т. XXI. – С. 605; Т. XXII. Ч. 1. – С. 538; Т. XXVI. – С. 314; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 197–199, 215; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 127–128.
- ¹⁴⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 53–56; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 128–130.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. – Т. XXVIII. – С. 162; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 230; *Летопись Солигаличского Воскресенского монастыря // Древности. Труды археологической комиссии Московского археологического общества.* – М., 1913. – Т. 3.– С. 303; *Апушкин В.* Рукописный сборник первой четверти XIX века, составленный солигаличским обывателем Ф.И.Нащокиным и помещенная в нем летопись Солигаличского Воскресенского монастыря // *Костромская старина.* – Кострома, 1901. – Вып. 5. – С. 502–505.
- ¹⁴² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 56–57; КИ. – С. 71; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 130–131.
- ¹⁴³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 67.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ. – Т. III. – С. 199–200; Т. IV. – С. 300–301, 571, 573–574.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения в XV – первой половине XVI в. Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, маришцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.